

Гуманизм и мастерство

С большим успехом проходят в Москве гастроли Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы под руководством Чжоу Синь-фана. Советские зрители очарованы постановками популярнейшего в Китае традиционного пекинского театра. После знакомства с игрой непревзойденного мастера Мэй Лань-фана мы имеем теперь возможность увидеть другого прославленного актера, любимца китайского народа Чжоу Синь-фана.

Спектакли Шанхайского театра сделали еще более близким и понятным нашему зрителю замечательное театральное искусство Китая. Сейчас перед нами раскрылись секреты успеха театра, берущего свое начало в глубокой древности от «Школы грушевого сада», театра, созданного еще во времена династии Тан (618 — 906 гг.). К этим «секретам» прежде всего относятся подлинная народность театра и глубокая самобытность сценических и музыкальных форм. Сочетание этих двух особенностей при высоком актерском мастерстве создает богатое театральное представление, условное и символическое по форме и глубоко реалистическое по своему существу.

У китайцев есть выражение: «Нет ничего более обширного, чем театральная сцена». Небольшой квадратный простор, вдающийся в зрительный зал, — это весь Китай, может быть, весь мир, и, если нужно, на нем поместится и мир загробный, мифическое или какое-либо другое фантастическое царство. На подмостках могут одновременно происходить разные действия, в разных местах и в разное время. Калейдоскоп различных событий, неразрывно связанных, проходит перед глазами зрителей. Актеры говорят и поют; их жесты и движения условны, грим и костюмы определяют положение персонажей в спектакле, музыка подчеркивает нарастание и темп про-

Гастроли театра пекинской музыкальной драмы

исходящих событий. Словом, они создают канву, которую каждый зритель дополняет и разукрашивает своим воображением.

О богатстве артистических средств китайского театра можно судить хотя бы по тому, что он знает многие свойственные только ему приемы. Среди них мы упомянем только так называемый «поворот рукава»: движение длинным белым обшлагом рукава («рукав струящейся воды»), гиперболически подчеркивающее переживание. В распоряжении китайского актера более пятидесяти движений «поворота рукава». Даже его смех имеет более двадцати различных оттенков (счастливы, радостный, печальный, ревнивый, презрительный, кокетливый и другие). Покрой, внешний вид и цвет театральных костюмов дают зрителю представление об определенной эпохе и о социальном положении действующих лиц. Грим также часто является условным выражением их характера. Китайский традиционный театр, спектакли которого идут без занавеса, без антрактов и почти без декораций и бутафории, обладает богатейшей культурой. Она сложилась на протяжении веков и характеризуется совершенством необычайно экономных и безошибочно воздействующих на зрителя художественных средств. И все же главное в китайском театре — это мастерство актера, пользующегося всеми этими средствами.

Спектакли наших гостей убедительно опровергли предвзятое мнение некоторой части публики о том, что китайский традиционный театр — нечто условное и сторванное от жизни. Да, этот театр условен. Но ведь и всякое театральное искусство по самой

природе своей условно. В спектаклях, прошедших перед нами, нет мелкого, натуралистически-бытового правдоподобия, зато есть нечто неизмеримо более важное — глубокое проникновение в человеческую психологию, правдивый показ жизненных конфликтов, отображение действительности во всей ее сложности.

В центре внимания зрителей — исключительное мастерство замечательного артиста Чжоу Синь-фана. В прошлом году праздновался пятидесятилетний юбилей деятельности этого видного актера, режиссера, драматурга и общественного деятеля. Обучение сценическому искусству в Китае обычно начинается с самых ранних лет. Чжоу Синь-фан прославился исполнением ведущих трагических ролей уже в возрасте семи лет. На протяжении всей своей творческой жизни он раскрывал с подмостков сны главную тему своего творчества — тему справедливости. Он решал ее и в трагических и в комедийных ролях, на положительных и отрицательных примерах.

Во время московских гастролей артист показал себя многогранно. Он исполнил роль народного героя, рыбака Сяо Эня («Месть рыбака»), убивающего угнетателя помещика, роль правителя области Куан Чжуна («Пятнадцать тысяч монет»), рискующего своим служебным положением ради оправдания невинно осужденных молодых людей. Мы видели его в роли Сун Ши-цзе, мужественного заступника угнетенных («Четыре чиновника»), в роли министра Сяо Хэ, готового уйти в отставку в знак протеста против несправедливого отношения к талантливому полководцу, способному спасти страну («Возвращение полководца Хань Синя»). Чжоу Синь-фан тонкой обрисовкой характеров, пластичностью движений правдиво передает богатство чувств своих героев.

Мастерство Чжоу Синь-фана достойно восхищения. Полное владе-

ние голосом, мимикой, жестом, легкость в проведении сложнейших по технике сцен и при этом — благородная лаконичность и та высшая простота, которая на деле является верхом изысканности.

Артист невысок и хрупкого сложения. Но когда смотришь на него в спектакле «Месть рыбака», то несколько поражаешься монументальности и мощи создаваемого образа. В его исполнении Сяо Энь — настоящий богатырь, олицетворение народной силы. В спектакле есть одна гиперболическая деталь, несомненно, идущая от фольклора: Сяо Энь двумя пальцами повергает на землю помещичье телохранителя. И в исполнении Чжоу Синь-фана эта сказочная деталь воспринимается как реальность.

Наряду с этим он показывает всю сложность душевных переживаний честного рыбака: его нежность к дочери, привязанность к друзьям, стариковское добродушие. В сцене возвращения Сяо Эня из уездного управления, где его несправедливо подвергли телесному наказанию, артист поднимается до вершин трагизма. В душе рыбака кипит гнев, возмущение, горечь, вызванные сознанием бесправия и просто физической боли. Трогательен эпизод, когда Сяо Энь скрывает свои чувства перед дочерью, боясь напугать и огорчить ее. Рыбак решает мстить! Артист преобразится: все жесты его становятся целеустремленными. И пока он четкими, уверенными движениями завязывает в свой халат меч, мы ощущаем нарастание его гнева.

Поразительна виртуозность исполнения и в спектакле «Пятнадцать тысяч монет». Замечательна сцена, в которой правитель области Куан Чжуи перед тем, как подписать смертный приговор невинным людям, вдруг начинает сомневаться в достоверности представленных улик. Его мимика, его игра с кистью, которой нужно подписать приговор, буквально потрясают. Подписать или не подписать? Зрители, знающие дальнейший ход событий из либретто, все же следят за Чжоу Синь-фаном с неосла-

бевающим напряжением. И когда Куан Чжуи кладет кисть, по залу проносится вздох облегчения. В антракте один знакомый художник, радостно удивляясь, говорит нам: «Ни одного слова по-китайски не знаю, а ведь все понятно!».

Следующая сцена еще сильнее. Куан Чжуи, поступаясь всеми правилами чиновничьего этикета, ночью врывается во дворец губернатора провинции и требует аудиенции, чтобы спасти ни в чем неповинных людей. Стража оскорбляет Куан Чжуна. Чжоу Синь-фан изумительно исполняет арию Куан Чжуна, в которой желание помочь невинным и восстановить справедливость побеждает врожденную гордость. Окончание сцены вызывает овацию. А сколько скрытого сарказма в облике Куан Чжуна, когда он, переодетый предкавателем, разговаривает с истинным убийцей и умело поставленными вопросами заставляет его выдать себя!

В пьесе «Сюе Пин-гуй расстается с женой» Чжоу Синь-фан проникновенно передает чувства простого человека, ставшего полководцем, в минуты прощания его с женой перед отъездом на войну. Показывая тонкие и сложные душевные движения героя, Чжоу Синь-фан лишней раз дает нам возможность убедиться в народном, демократических истоках своего творчества.

Достоинной партнершей Чжоу Синь-фана в этой пьесе является талантливая актриса Ли Юй-жу. Если Сюе Пин-гуй в исполнении Чжоу Синь-фана пытается скрыть свое горе и оно вырывается наружу лишь изредка, то Ван Бю-чуань в исполнении Ли Юй-жу не в силах противиться охватившим ее чувствам. Вместе они образуют прекрасный дуэт, развертывая перед зрителями сложную гамму человеческих переживаний.

В пьесе «Опьянение Ян Гуй-фэй» Ли Юй-жу играет главную роль. Ее игра заслуживает высокой оценки. И в лирико-комедийной пьесе «Нефритовый браслет» мастерское исполнение ею немых сцен обещивает ей восторженный прием

публики. Талантливая Ли Юй-жу, ученица блистательных мастеров — исполнителей женских ролей Мэй Лань-фана и Чэн Янь-цю, — актриса большого диапазона. В ее репертуаре более ста ролей. Она глубоко и разносторонне показывает разные характеры — от придворной фаворитки Ян Гуй-фэй до несчастной вдовы в пьесе «Четыре чиновника».

Из остальных артистов хочется отметить блестящую исполнительницу ролей женщин-воинов — Чжан Мэй-цзюань, превосходного комика Сунь Чжан-яна (он играет роли мужские и комических старух), создателя многих образов в батальных пьесах и роли бездушного чиновника в пьесе «Пятнадцать тысяч монет» — Ван Цзинь-жу, актриса Ван Ли-цзюнь сочетает мастерство исполнения батальных сцен с тонким, слегка проницательным лиризмом. Обаятельна исполнительница ролей молодых девушек Чжао Сяо-лань (особенно хороша она в пьесе «Четыре чиновника»). Виртуозен акробат Чэн Чжэн-чжу, выступления которого проходят под несомненно аплодисменты.

В отступление от вековых обычаев в спектаклях Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы введены некоторые элементы декораций. Но и тут не было допущено никаких натуралистических подробностей, противоречащих общему стилю игры актеров: декорации крайне скупы, они лишь намекают на место действия. Сменяемые задники удачно сочетаются по цвету с костюмами артистов. Здесь сказалась одна из главных особенностей китайского художественного гения — умелый подбор трудносочетаемых на первый взгляд красок, дающий в результате восхитительную цветовую гармонию.

Спектакли, показанные московским зрителем, сильны своим жизнеутверждающим гуманизмом, своим доведением до совершенства мастерством. Это настоящее, большое искусство.

Гастроли Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы — большой праздник советско-китайской дружбы.

Вл. РОГОВ.